

С Коми мы всё-таки пообедали, но, к сожалению, она не нашла в себе смелости произнести ещё хоть одно слово. А потому я не услышал её чарующий голос. И даже после моей просьбы, девушка, попытавшаяся что-то ответить, вымолвила лишь нечленораздельный набор звуков, дрожа всем телом от волнения. Поняв, что так быстро эту проблему не решить, я не стал на неё наседать, положившись на то, что со временем Коми сможет преодолеть свои страхи.

Несмотря на то, что общаться нам пришлось через посредника в виде тетради, девушка была весьма приятным собеседником, во многом напоминая мне Мидзуху. Разве что Коми была чуточку скромнее и намного гораздо невиннее. Сомневаюсь, что в её мыслях есть хоть намёк на какие-либо пошлости. Впрочем, я уже не раз убеждался, что мои суждения по поводу девушек этого мира часто являются ошибочными. Кто знает, быть может, эта милашка по уровню извращённости заткнёт за пояс Мидзуху и Саюки вместе взятых.

В приятной компании оставшиеся уроки пролетели незаметно, и вот я уже возвращаюсь домой вместе с сестрой. Когда мы отошли на приличное расстояние от школы и рядом не осталось никого из школьников, Мидзуха робко взяла меня за руку. Когда я удивлённый её действием, бросил на неё взгляд, она спешно отвернула голову, так что я мог насладиться лишь покрасневшими кончиками её ушей.

Забавляясь такой реакцией, я повысил ставки, обняв девушку за талию и притянув её к себе так, чтобы наши тела соприкасались и тёрлись друг об друга при движении.

— Б-брат? — вопреки ожиданиям, Мидзуха была скорее ошеломлена, чем смущена.

— Ты против? — прошептал я её на ушко, пользуясь подвернувшейся возможностью.

— Вовсе нет, — произнесла Мидзуха, положив свою голову мне на плечо, — Просто удивилась, и только, — одарила она меня радостной улыбкой.

В таком положении мы и дошли до самого дома. Мидзуха первая упорхнула в свою комнату, чтобы переодеться, пообещав приготовить мне нечто вкусное.

Я же успел лишь скинуть куртку и раздеться, как услышал поворот ключа в замочной скважине. Дверь отворилась, и я увидел пошатывающуюся фигуру матери, переступающую порог дома. А в нос ударил запах алкоголя.

— Мам, ты пила? — удивился я её состоянию. Ещё не вечер, а она уже едва стоит на ногах.

— М-м, ч-чуть-чуть, — свела она большой и указательный палец, показывая это самое «чуть-чуть», — Я под-дала з-заявление на развод, а потом встретил-лась с подругами. Пришлось н-немного выпить за компанию, — пояснила она, едва ворочая языком.

Понятно, обеспокоенные подруги не нашли лучшего способа поддержать маму, чем напоить

её. Не сомневаюсь, что похожу дела подруги не забыли полить помоями нерадивого муженька. Не могу осуждать такой подход, но заливать горе алкоголем -весьма скользкая дорожка. Всем время от времени хочется уйти от реальности, будь то игры, выпивка или наркотики. Однако здесь же таится и главная опасность: мало кому хочется возвращаться в суровую реальность, а плохие привычки имеют свойство закрепляться.

Пока я отдавался нерадостным размышлениям, мать успела присесть на рядом стоящую тумбочку, предпринимая безуспешные попытки расстегнуть застёжки на туфлях трясущимися руками.

— Давай помогу, — решил я помочь, засомневавшись, что она справится с данной задачей в своём текущем состоянии.

Припав на колено, я одну за одной освободил её обтянутые чёрными колготками ноги.

— С-спасибо, сынок, — нежно вздохнула мама мои волосы, — Ай! — неожиданно вскрикнула она, когда моя рука коснулась её ступни.

— Больно?

— А-ага, ноги затекли от этих ч-чёртовых туфель, — одарила она обувь ненавидящим взглядом.

— Сможешь ходить? — засомневался я в её возможностях самостоятельно дойти до своей комнаты.

— Н-не знаю, — задумалась над моим вопросом мама, — Может, если ты п-помассируешь их, я и смогу дойти, — вымолвила она, выставив ножку.

— Ладно, — лаконично ответил я, начав нежно разминать её ножки, проводя руками по нежной ткани колготок в районе ступней.

— Мха-а-а! — вдруг издала женщина негромкий стон.

— Больно? — удивлённо спросил я, — Вроде бы не надавливал сильно.

— Н-нет, — смущённо скосила мама взгляд, — Немного приятно.

Массаж продолжался на протяжении пары минут, за которые я ещё не раз услышал тихие стоны, срывающиеся из её уст. И даже то, что мама старательно прикрывала рот рукой, не особо помогало заглушить звуки.

— Попробуй теперь, — поднялся я, закончив массаж.

— Хорошо, — кивнула мать, и пошатываясь вставала на ноги, — Нет, в-сё ещё болят.

— Ну видимо массаж здесь не поможет, — беспомощно пожимаю плечами.

— Думаешь? — спросила она

— Тебе просто нужно поспать и всё пройдёт.

— Наверное, — неохотно согласилась она, — Но мне т-та-а-ак больно, как же я теперь дойду до кровати? — пролепетала она, растягивая слова.

— У нас в подсобке есть костыли, могу принести, — брякнул я, начиная понимать, куда дует ветер.

— Кха, — поперхнулась она от моего заявления, — Н-нет, на них я точно упаду. А давай...ты отнесёшь меня, — выдвинула мама ответное предложение с хитрым выражением лица и протянула ручки.

— Но я же надорвусь! — изобразил я возмущение.

— Эй, я не толстая! — обиженно выкрикнула мать

— Не толстая. Но в определённых местах весьма объёмная, — направил я взгляд на её грудь, которую не способна скрыть ни одна в мире одежда.

— Хочу на ру-у-учки, — упрямо заканючила она, пропустив мои слова мимо ушей.

— Эх, тяжела моя доля, — притворно вздохнул я, — Хорошо, отнесу тебя. Но только если пообещаешь, что сразу же ляжешь спать.

— Ага, — растянулись её губы в улыбке.

Аккуратно взяв захмелевшую женщину на руки, я понёс её в комнату. При этом мои прошлые слова оказались как никогда правдивы. Грудь мамы была достаточно большой, чтобы упираться в мой подбородок, даря ни с чем не сравнимую мягкость. Взяв разум в железные путы самоконтроля, я отринул разжигаемые её сладострастным телом предосудительные мысли, стараясь думать о чём-то нейтральном.

— Ну в-вот, я ведь совсем не тяжёлая? — не унималась лежавшая на моих руках мама.

— У меня сейчас руки отвалятся.

— Л-лжец. Ты даже не запыхался. Сынок, когда это ты успел накачать такие мышцы?
— поинтересовалась она, положив свою ладонь мне на бицепс, а после и на грудь.

Железные путы на деле оказались пластмассовыми и растрескались под напором шаловливой руки мамы, без стеснений ощупывающей мой торс.

— Мам, хватит, а? — взмолился, совершенно не имея возможности убрать её руку.

— Ой, п-прости, — пискнула она, — В качестве компенсации можешь тоже меня потрогать, — нашла она «гениальное» решение проблемы.

Да что б тебя, женщина, я ведь не совершал постриг в монахи.

— Воздержусь, — отрезал я, бросив мимолётный взгляд на её выделяющийся бюст, который мне по идее и предложили потрогать. Хотя вряд ли она вообще поняла смысл того, что сейчас ляпнула.

Комната матери располагалась аккуратно напротив комнаты Мидзухи. Когда я уже думал, что с сегодняшними казусами скоро будет покончено, из открывшейся двери появилась сестра. И всё бы ничего, но на ней был белый фартук. Проблема лишь в том, что кроме него на девушке абсолютно ничего не было. Фартук был надет на голове тело, подчёркивая хоть и не такую пышную, но всё равно сногшибательную фигуру сестры.

— Мидзуха?! — не меньше моего удивилась мама, рассматривая фигуру своей дочери.

— М-мама, — замялась эксгибиционистка, не услышавшая прихода матери.

— А почему ты так...не одета? — насмешливо спросила покоившаяся на моих руках женщина. Видимо, хмель в организме заставил её посчитать всю эту ситуацию комичной.

— Я просто постирала всю свою одежду, — бывалую эксгибиционистку так просто не возьмёшь, и Мидзуха, оправдывая свой гордый титул, быстро сообразила более-менее правдоподобную отговорку.

— Что, даже нижнее бельё? — не пожелала так просто сдаваться мама, будто бы видя дочь насквозь.

— Просто не захотела пачкать его при готовке, — парировала Мидзуха, со стекающей каплей пота на лбу.

— Хм-м, понимаю, — важно закивала женщина, — Но т-тебе стоит быть осмотрительней, всё-таки мы живём под одной крышей с женщиной.

Вот чья бы корова мычала!

— Братик не такой, — произнесла она, сама не веря в свои слова.

«Нет, я такой. И ты сама об этом знаешь.»

Но вслух озвучивать свои мысли я не стал, притворившись валенком. Меньше всего мне хотелось развития сей неловкой сценки.

— Мам, ты что, напилась? — спросила Мидзуха, перейдя в нападение, а заодно переводя тему.

— Нет, п-просто пропустила пару стаканчиков, — буркнула она оправдывающимся тоном, словно нашкодившая школьница, пойманная родителями.

— Пару? — скептически переспросила сестра

— Ну-у-у, может пару десятков, я не считала, — стыдливо отвела она глаза, заёрзав на моих руках.

— Я уложу маму спать, а ты пока приготовь чего-нибудь, если не трудно, — предотвратил я назревающий допрос с пристрастием.

— Хорошо, братик, — сдалась Мидзуха, направившись на кухню.

Не став мешкать, я занёс маму в комнату и посадил её на кровать. Та сразу же предприняла попытку освободиться, из-за чего мне пришлось проявить деликатность и отвернуться стене. Секунды складывались в минуты, а шорканье одежды всё не прекращалось. И по-хорошему мне стоило бы уже выйти, да только мне хотелось убедиться, что женщина точно ляжет в постель и отдастся во власть Морфея, а не станет бродить по дому, на ходу сшибая мебель.

— Сынок, у меня не в-выходит, — пожаловалась мама с нотками разочарования в голосе, — Я не хочу мять одежду, помоги, а?

Устало вздохнув, я повернулся обратно, бросая взгляд на блузку, на которой лишь треть пуговиц была расстёгнута, да и те в произвольном порядке.

Сочтя её доводы вполне весомыми, я сжалился и подойдя к маме, стал по одной расстёгивать оставшиеся пуговицы. А когда закончил, помог ей снять с себя блузку. За блузкой последовала

и юбка, которую я кое-как стянул с упругих бёдер. Весь процесс я старался осуществить как можно быстрее, чтобы случайно не залипнуть на выдающихся достоинствах матери.

— И колготочки, — напомнила она об оставшемся элементе одежды, не считая нижнего белья, само собой.

— Конечно, — проскрежетал я, пытаюсь скрыть выпирающий через брюки стояк.

Снятие колготок далось мне наиболее тяжело, ведь невольно пришлось соприкоснуться не только с бёдрами, но и подтянутой попкой, пусть и всего на миг. Но даже этого хватило, чтобы напряжение в паху увеличилось по экспоненте.

Теперь из одежды на маме были белые трусики и такого же цвета лифчик, на которые я уже не обращал внимание, развернувшись в сторону выхода.

— А поцелуй на ночь? — догнал меня внезапный вопрос, когда я уже проворачивал ручку двери, собираясь выйти из этого логова соблазна.

Да ты издеваешься!

— Нет, — отрезал я, — К тому же сейчас ещё вечер.

— М-м, тогда на сон г-рит, град...грядущий, вот, — с трудом смогла она выговорить нужное слово заплетающимся языком, — В детстве ты отказывался засыпать без поцелуя. Вот и я не лягу, пока не чмокнешь мамочку, — сложив руки под грудью, выдвинула она ультиматум.

— Л-ладно, — поддался я на её условия, с поддёргивающимся глазом.

Не успел я склониться к маме, как нежные, но цепкие ручки обвилились вокруг моей шеи и притянули меня к себе.

— Чмок! — озвучила она свой поцелуй, не продлившийся и пары секунд и вполне укладывающийся в рамки семейных взаимоотношений.

Но не успел я обрадоваться скорейшему освобождению, как меня снова притянули к себе, на этот раз прижав к груди. Моё лицо утонуло в ложбинке её бюста, ощутив на себе небывалую мягкость.

То, что в обычных условиях было бы приемлемым, без одежды становилось совсем уж выходящим за всякие рамки морали.

— Ты что делаешь?! — недовольно промычал я, попытавшись вырваться. Но куда там, не сильная на вид женщина стискивала меня с такой силой, что я рисковал задохнуться от недостатка воздуха. Не самая плохая смерть, но отдавать концы так рано мне всё же не хотелось.

— Прости, п-просто ты был таким милым, вот я и не удержалась, — извинилась она, наконец, расцепив руки.

— Всё, спать! — скомандовал я, как только смог отдышаться.

Снова взяв женщину на руки, я чуть ли не бросил её головой на подушку и накрыв одеялом, вышел из комнаты.

И только за дверью я смог собрать мысли в кучку, поняв, как близко был к срыву. Не знаю, нарочно она всё это делала или нет, но едва ли мама осознавала какому риску себя подвергала. Хоть из-за памяти Кейки, я и стал считать женщину своей матерью, но это не изменит того факта, что часть меня воспринимала её не только родственницей, но и весьма сногшибательной особой.

А ведь на кухне меня ждёт сестра, одетая лишь в фартук. Вряд ли она стала бы одеваться, ведь в таком случае её отговорка об отсутствии одежды сразу стала бы несостоятельной. Эх, как же напряжно.

<http://tl.rulate.ru/book/77/6256>